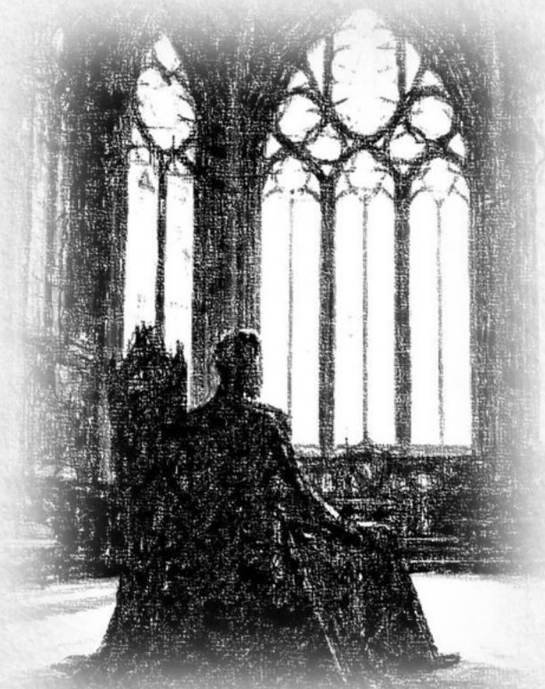

ВЕЧНЫЙ

Е. Лучинкин

Евгений Лучинкин

Вечный

<https://litres.ru/74356402>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ о сотворении мира и нашем месте в нем.

Рассказ о том что будет дальше и кто такой бог.

И знаешь, возможно, это - ты....

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Евгений Лучинкин

Вечный

Глава

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»

(Евангелие от Иоанна, 15:13)

В огромном тронном зале было пусто. Чадили факелы, отбрасывая пляшущие тени на покрытые гобеленами стены, мраморные колонны, массивный трон. Их чуть слышное потрескивание еще сильнее подчеркивало царящую в зале гнетущую тишину. На троне сидел человек. Пальцы его правой руки неспешно беззвучно постукивали по массивному тисовому подлокотнику. Он был погружен в раздумья и, судя по плотно сжатым губам, прищуренному взгляду, мысли эти были тяжелыми.

Минуты шли, но ничего не менялось в этой странной картине, казалось, что само время замерло, боясь нарушить равновесие. На самом деле время не остановилось, его просто не существовало для этого человека, ибо Вечные исчисляют бытие другими понятиями: мгновениями, оставляющими

ми след в сердце. И сейчас, после очередной, уже бессчётной неудачной попытки, он вынужден был сделать то, что всячески откладывал – признаться самому себе, что не знает, что делать дальше.

Медленным движением, за которым, впрочем, угадывалось напряжение, он расстегнул две верхние пуговицы высокого ворота френча, сжал ворот в кулак, потянул вниз, освобождая горло, как будто этот дополнительный глоток воздуха мог принести озарение. Плотная ткань затрещала, и еще одна пуговица, не выдержав, оторвалась, ударилась о колено, отскочила и мелодично зазвенела, прыгая по каменному полу. Он смотрел на пуговицу, на эту единственно движущуюся частицу в замершем пустом пространстве, и вспоминал...

Он не помнил день своего рождения, потому что когда впервые осознал себя, так же ясно понял и то, что Он был и раньше, просто... как-то не думал об этом.

И это стало первой Мыслью. Какое-то время Он был занят тем, что изучал это осознание, но единственное, что удалось подтвердить – что Он существует. Больше пищи для размышлений не было, но Мысль как-то неприятно свербе-ла, заставляла снова и снова искать, думать. На одном из кругов пришла вторая мысль, что должно быть что-то еще. Он стал смотреть по сторонам, но вокруг не было ничего, точнее

не было даже самого понятия "вокруг". Это было неправильно, неприятно, раздражало, съедало силы, но мысль не отпускала и в конце концов поглотила без остатка Его внимание. Тогда Он впервые испытал то, что впоследствии станет основой всего. Он испытал Чувство. И чувством этим был страх. Страх птицы, очнувшейся в клетке, накрытой черной материей. Он заметался внутри себя сначала пытаясь найти выход во вне, затем разбить границы, вырваться. Страх нарастал, стал осязаем, клубился, закручивался спиралью. Тогда Он закричал.

И крик этот стал первым Словом...

Пуговица остановилась, замерла, звон прекратился. Человек среагировал на это изменение, медленно возвращаясь из прошлого. Какой же наивный он был тогда. Он жалел и одновременно завидовал самому себе, тому, которому только предстояло испытать то, что он считал лучшим временем своей... своего пути. Слово "жизнь" никак не хотело срывать с языка, не укладывалось в то, что с ним происходило. Уголок рта тронула горькая улыбка. Воспоминания рождали что-то внутри, жалкую тень тех чувств, которые пробуждали настоящую силу, способную Творить, но сейчас он цеплялся даже за них, ведь ничего другого, настоящего, давно не было. Впрочем, даже этой малости хватило, чтоб окружающее

его пространство изменилось, подстроилось под его эмоцию: факелы перестали чадить, свет стал сильным и ровным. Цвета поменялись, светлая пуговица почти слилась с белеющим прямо на глазах мрамором пола, огромные витражные окна, казалось, сами источали свет. Вазоны с живыми цветами увили колонны, спускаясь на цепях с красивых кованых крючьев. Он давно привык к подобным метаморфозам, но каждый раз удивлялся тому, как его дети воспринимают их: они напрочь забывают, что мгновение назад все вокруг было другим. Изменился не только зал, весь мир чуть заметно дрогнул от этих изменений, и он это почувствовал, так же как тогда, в первый раз...

Сначала было Слово.

То, что случилось дальше, было похоже на взрыв. Яркая вспышка, на бесконечно долгий миг сформировавшая плотную, пульсирующую сферу, рассыпалась во все стороны мириадами тонких лучей. Лучей было так много, что казалось не остается ни единого кусочка пространства, которого бы они не касались. И в центре этого был Он. Точнее, Он сам был центром. Он чувствовал каждый луч, летел с ним, был каждым из них и одновременно всеми. После лучей оставалась пустота, но пустота эта была осязаемой, она существовала.

Наконец, сфера иссякла. Он почувствовал это за мгновение до того, как она стала опадать, сворачиваться, обволакивая Его, подумал, что на этом все закончится, но вновь понял, что ошибается еще до того, как сфера вдруг вновь расширилась и лопнула, словно огромный воздушный шар, наполненный красками. Краски эти каплями стали разлетаться вслед за лучами. Он потянулся к одной из капель и понял, что она состоит из множества крошечных вращающихся пылинок, в центре которых находятся искры...

Человек вновь улыбнулся воспоминаниям, потрогал ворот. Пуговица снова была там, где ей было положено быть. Впрочем, это было ясно и без касания, ведь пуговица, как и всё остальное, была частью Его. Всё, без исключения. Он сделал это открытие еще тогда, в первые дни, следуя за лучами и красками. Он и сейчас чувствовал их так же, как обычный человек чувствует свои пальцы, биение сердца, прикосновения, знал, что лучи до сих пор продолжали свое движение во вне, хотя смысла в этом он давно уже не видел. А тогда, воодушевленный, изумленный, метался он от одного луча к другому, даже отклонил несколько, просто подумав об этом, сделал одну из искр ярче. Искра вспыхнула, правда, почти сразу погасла, превратилась в одну из пылинок. При каждом его вмешательстве пространство подергивало

рябью, Впрочем, никак не мешающей и, как ему тогда казалось, не оставляющей следов...

"Как же, не оставляющей..." – подумал человек, протянул руку и, не глядя, взял со столика, стоящего у трона, высокий хрустальный бокал, наполненный гранатово-красным вином. Посмотрел через него на свет, сделал небольшой глоток. Это было хорошее, возможно лучшее вино, но ни вкуса, ни послевкусия он почти не почувствовал. Захотелось швырнуть бокал, но выдержки хватило, и, недовольно поморщившись, он поставил бокал на столик. Хрусталь преломил свет, рассыпал яркие солнечные зайчики на пол, на колонны, словно маленькие огоньки, словно звезды...

Звезды. Так назывались искры. Как и многие другие названия, это тоже пришло само... Сказать, что Он был ошеломлен – ничего не сказать! Только что Он был испуган, мал, неосязаем и вдруг такое! С детским восторгом первооткрывателя, Он летал между звездами, с легкостью мгновенно перемещаясь на любые расстояния, потому что расстояния эти были подвластны Его мысли. Он видел удивительные, величественные явления, которые рождали в Нём бурю эмоций, которые в свою очередь преображали звезды, перемалывая их как в калейдоскопе, причем Ему даже не нужно было представлять, что должно получиться, всё получалось

само. Пространство дрожало, но рябь была незаметна, вплеталась в грандиозные изменения.

Постепенно, но довольно быстро восторг стал угасать. Он почувствовал это, почувствовал холод, но воспринял как должное, как усталость. В целом, это было даже неплохо, давало время для осмысления происходящего. Как оказалось, много времени, потому что больше ничего не происходило. В результате Он сформулировал для себя следующее: во-первых, все, что возникло, являлось частью Его, а за пределами по-прежнему ничего не было. Впрочем, возможно, это Он стал частью чего-то огромного, но частью центральной, главной, способной влиять.

Во-вторых, было необязательно и даже бессмысленно четко формулировать желания, все равно получалось по-другому, но, как правило, не хуже.

И в-третьих, изменения происходили, только когда Он направлял свое внимание на конкретный объект, и величина их зависела от того, насколько Он был впечатлен. Это тоже было хорошо, потому что стали примерно понятны правила игры, но в то же время Он чувствовал тревогу, потому что больше не испытывал ярких эмоций. Удивительное стало Ему привычным. Снова вернулись те, первые Мысли: что-то еще...

"Что-то еще, должно быть что-то еще, не может не быть..." - Человек в раздумье снова взял бокал. Тот стал ниже, ножка – толще. Жидкость приобрела густой, янтарный цвет. Человек выпил залпом, медленно выдохнул. Напиток огненной волной обжег горло, теплом растекся в груди.

Чуть помедлив, решительно поднялся. Он оказался достаточно высок, худощав. Движения его были плавными, но быстрыми, как у человека, не привыкшего спешить, но поглощенного какой-то идеей. Он подошел к витражу, толкнул дверь на балкон, но, выйдя, замер, на миг опешив от увиденного. За окном не было ничего. Это был плохой знак, ибо пространство всегда улавливало его состояние, а он в свою очередь чувствовал события еще до того как они происходили. Он знал, что пустота означала одно: он находится на грани, и выхода может быть лишь два: или он найдет решение, и это даст импульс для продолжения существования, или станет центром пустоты и... Что будет дальше, он представлял смутно, но явно ничем хорошим это не светило.

Он вошел обратно, звук шагов по вновь ставшему темным, почти черным, как и его настроение, мрамору пола гулко разлетался по залу, отражаясь от высоких потолков и стен. По одной из стен шла тонкая, едва заметная трещина. Человек снова сел на трон. Король без королевства, окруженный белой пустотой. Одиночество давно перестало вызывать в нем что-то похожее на эмоции, но в этот раз было как-то особенно неудобно. Какая ирония: то, что дало начало тогда,

сейчас убивало его. Он усмехнулся: статус-кво был выдержан. "Одиночество..." – задумчиво повторил он. Что-то было в этом, что-то было, Человек чувствовал...

Он продолжал изучать пространство, искать, но если сначала сложно было найти хоть что-то, не вызывающее восторг, то постепенно поиски превратились в муки золотоискателя, перебирающего тонны породы ради крупицы золота. Теперь же, и это сравнение было неверным. Золота не было вовсе. И самым скверным было то, что Он начал чувствовать какую-то зарождающуюся пустоту. Словно опухоль, она клетка за клеткой разрасталась внутри. Он чувствовал ее как что-то черное, абсолютно пустое, но тяжелое, вытягивающее силы. Хуже всего было то, что опухоль начала влиять на пространство вокруг, ту его часть, на которую Он обращал внимание. Звезды становились тусклее, некоторые вовсе гасли, волны ряби, низкие, вибрирующие, расползались от него как от прокаженного. И Мысль, она уже не просто приходила в голову, она была в набат, требовала, но не было ничего и никого, кто мог бы освободить Его, подсказать что делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.